

Н.В. Новиков

В БОЯХ ЗА БУДАПЕШТ



Николай Владимирович Новиков, старший научный сотрудник Отдела Европы, доктор филологических наук. Капитан. Участвовал в боях на Северо-Западном, 2-м и 4-м Украинских фронтах. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

На последнем этапе Великой Отечественной войны, за три месяца до капитуляции фашистской Германии, 297-я стрелковая дивизия (командир дивизии генерал-майор А.И. Ковтун) в составе войск, действующих в Юго-Западной Европе, вела упорные бои по ликвидации окруженной группировки противника в Буде — части Будапешта, расположенной на высоком правом берегу Дуная. В то время в звании капитана я исполнял должность помощника начальника штаба артиллерии дивизии по оперативной работе. Наш штаб (начальник штаба майор Попов) вместе со штабом и политотделом дивизии (начальник политотдела полковник М. Гальперин (М. Гальперин — ленинградец; до войны работал в Ленинградском горкоме комсомола. Об этом я узнал уже в послевоенное время.)) находился на западной окраине Буды. Здесь же размещались и некоторые другие штабы советских воинских частей и подразделений, а также различного рода тыловые службы.

Выбитый из Пешта и прижатый нашими войсками к Дунаю в Буде противник продолжал оказывать упорное сопротивление. Кровавопролитные, ни на час не затухающие бои шли буквально за каждую улицу, за каждый перекресток, дом, этаж, лестничную площадку. Однако день ото дня вражеский плацдарм неумолимо сужался. Обороняющиеся его несли невосполнимые потери в живой силе и технике. Предчувствуя неизбежность поражения, немцы в ночь с 11 на 12 февраля 1945 года предприняли отчаянную попытку во что бы то ни стало и любыми средствами вырвать-

ся из окружения. При этом большую надежду они возлагали на скрытность и внезапность выхода к нам в ближайший тыл, чтобы, опрокинув его, открыть себе свободный путь на запад. С этой целью противник воспользовался как подземным туннелем, проложенным от дворца правителя Венгрии Хорти, так и разветвленной сетью подземных коммуникаций города, по которым под покровом ночи [12 февраля] стал поодиночке и небольшими вооруженными группами просачиваться в район нашей дислокации. Но все его попытки выйти из окружения потерпели провал. Вначале гитлеровцы были встречены ружейно-пулеметным огнем наших штабов и служб тыла, а затем на рассвете окончательно разгромлены подошедшими другими воинскими частями.

Утром 12 февраля, кроме участия под руководством Гальперина в работе по массовой приемке пленных, их сортировке, временном размещении и отправке в армейский тыл, мне пришлось в разведотделе дивизии присутствовать на предварительном допросе командующего Будапештской группировкой немцев генерал-полковника фон Пфеффера-Вильденбруха.

Поскольку обстоятельство пленения генерала и его многочисленной свиты, состоящей главным образом из офицеров и унтер-офицеров, получило освещение в мемуарной литературе — генерал-майора А.И. Ковтуна и майора запаса Ф. Копылова [*Ковтун А.И.* 1) Венгерская рапсодия. Симферополь, 1968; 2) Освобождение Будапешта // *Новый мир.* 1971. № 5. С. 183—196; *Копылов Ф.* Белый флаг над вражеским штабом // *Правда.* 1970. 17 марта; переп.: Великая Отечественная война в письмах. Сост. В.Г. Гришин. Изд. 2-е. М., 1982. С. 282—283], я позволил себе коснуться лишь некоторых последующих событий этого дня, участником которых я был и которые не нашли отражения в нашей печати.

...Переступив порог довольно просторной комнаты, занимаемой разведотделом дивизии, я увидел такую картину. Сразу же влево от входной двери на расставленных в несколько рядов стульях, в большой тесноте располагалась основная часть пленных офицеров и унтер-офицеров штаба Пфеффера, другая часть — скученно толпилась у входной двери за последним рядом стульев. Сколько их было, точно сказать затрудняюсь, но не менее ста человек. В переднем углу за столом полукругом сидели советские офицеры; среди них полковник Гальперин (командиру дивизии А.И. Ковтуну, как он пишет в упомянутых воспоминаниях, «увидеть и допросить Пфеффера» самому не пришлось), на противоположной же стороне стола, наискосок от Гальперина и в полуоборот к пленным офицерам, — генерал Пфеффер, а сбоку — на-

чальник его штаба подполковник Линденау, которого вначале мы приняли за гитлеровского политического советника, — угрюмо-молчаливый субъект, не проронивший во время допроса ни одного слова.

Генерал Пфеффер — в годах. Лицо обрюзглое, щетинистое. Внешне — подчеркнуто спокоен. На нем — изрядно помятая и выпачканная в чем-то белом, небрежно распахнутая солдатская шинель, на ногах — обмотки и, не первой носки, ботинки; перед ним на краешке стола — его пилотка.

Чтобы начать разговор, Гальперин раскрыл пачку папирос и протянул ее Пфефферу, затем — его коллеге. Первый, немного помедлив, все же воспользовался предложением и закурил, второй отказался. Отвечая на вопрос Гальперина, каково было положение немецкого гарнизона в Буде в последние дни (допрос велся с помощью переводчика), Пфеффер назвал его безвыходно-катастрофическим: продукты питания иссякли, боеприпасы тоже, а то, что сбрасывалось с транспортных самолетов, было мизерным и к тому же часто попадало в распоряжение Советских войск. Ждать какой-либо иной помощи было неоткуда. И тогда командование пошло на риск, отдав приказ по гарнизону: пробиваться из окружения кто как может. Сам Пфеффер, переодетый в солдатское обмундирование, и офицеры его штаба пробивались от дворца Хорти туннелем, по выходе из которого были обнаружены и пленены...

Далее речь зашла о необходимости беспромедлительного погашения значительного очага сопротивления противника в районе городского госпиталя, откуда доносилась частая ружейно-пулеметная перестрелка, прерываемая временами раскатистым гулом артиллерийских орудий. Обращаясь к Пфефферу, Гальперин сказал: «Вы, я думаю, генерал, согласитесь, что оказываемое сопротивление остатков ваших войск в районе госпиталя — безнадежно. Во избежание дальнейшего напрасного кровопролития с обеих сторон Советское командование предлагает лично Вам обратиться к своим войскам с призывом прекратить бесполезное сопротивление и безоговорочно сложить оружие».

Генерал молчал, опустив голову. Тогда после довольно продолжительной паузы со скамьи пленных поднялся офицер-летчик и заявил, что он готов пойти в госпиталь к «своим» и уговорить их сдаться, но при условии, если на то будет дано согласие командующего. В ответ на это кто-то из советских офицеров бросил реплику: «Плен освобождает вас от подчинения своему командующему!» Однако летчик упорно продолжал настаивать на своем. В конце концов такое согласие было дано,

и Пфэффер тут же на листе бумаги написал требуемое обращение-приказ. Вслед за этим была образована парламентерская группа в составе четырех человек. В нее вошли: от пленных немцев, кроме упомянутого офицера-летчика, обер-лейтенант, от нас — старший лейтенант (фамилию не помню) и автор этих строк.

Включенных в нашу группу немцев мы прежде всего накормили и, повязав нарукавные белые повязки, отправились к госпиталю. Шли по середине широкой, длинной и прямой улицы, обсаженной деревьями и носящей свежие следы отгремевшего ночного боя: тут и там на дороге и на ее обочинах попадались рассыпанные стреляные гильзы, немецкие каски, противогазы и другое военное имущество, трупы убитых немцев. Со стороны наша маленькая процессия, вероятно, выглядела не совсем обычно, пестро. Во всяком случае встречные армейцы, поравнявшись с нами, каждый раз останавливались и смотрели на нас с явным любопытством и недоумением: возможно ли, чтобы в такое-то время советские и немецкие офицеры шли бы вот так рядом и мирно. И куда? — на передовую! Особенно их внимание привлекал черноволосый небольшого роста и до вертлявости подвижный офицер-летчик, черный китель которого был густо обвешан гитлеровскими орденами и медалями.

Наша группа находилась примерно на полпути к госпиталю, когда шум боя начал там заметно спадать. Сначала умолкла артиллерия, потом реже и реже стала ружейно-пулеметная перестрелка. Наконец прозвучал далекий одиночный выстрел. Последний крупный очаг сопротивления немцев в городе пал, о чем нам сообщили бойцы, возвращавшиеся из района госпиталя, и потому, естественно, необходимость в нашей посреднической миссии сама собой отпала.

* * *

Н.В. Новиков, находясь на фронте, сделал много интересных записей. Это десятки тетрадей, содержащих около пятисот писем, рассказов, стихов, пословиц, поговорок, крылатых выражений.

..На наблюдательном пункте, на огневых позициях артиллерии и минометов, во время боя и в часы затишья в штабе, в окопе, в блиндаже, в землянке, в пути — всюду я прислушивался к голосу фронтовика и заносил в блокнот то, что казалось мне сколько-нибудь значительным, интересным, что выражало мысли, чувства, настроения воинов Красной Армии, было связано с исторической традицией нашего народа. Вот некоторые из них:

Пословицы и поговорки

- «Кто не несет урон врагу, тот у Родины в долгу».
- «На то и артрразведка, чтоб бить метко».
- «От бомбежки протягивают ножки».
- «Чем ближе на Запад, тем ближе к дому».
- «На второй фронт надейся, а сам не плошай!».
- «С миру по нитке — Гитлеру петля».
- «Закурим табачку тертого, помянем живого и мертвого».
- «Карауль Бог, караульный спать лег».
- «За столом парит орлом, а на “огневой” — мокрой курицей».

Из фронтовой терминологии

«Мария Ивановна», «Катерина Ивановна», «Катюша» — минометная установка реактивного действия.

«Андрюша», «Жених Катюши» — установка тяжелых минометов реактивного действия.

«Уточка», «ХНБ» (хитрый ночной бомбардировщик).

«Керосинка», «Огородник», «Кукурузник» — самолет У-2.

«Старшина дорог» — автомашина «Студебеккер».

«Дурило» — немецкая минометная установка реактивного действия.

«Стервятник» — самолет противника.

«Костыль», «Горбыль» — немецкий самолет-разведчик.

«Музыкант» — немецкий пикирующий самолет.

«Макаронник», «Шганина» — немецкий самолет Фокке-Вульф 189-02.

«Хлопалка», «Фур-дур» — немецкий ночной бомбардировщик.

«Собака Гитлера» — немецкий шестиствольный миномет.

«Хозяйство» — батарея, полк, соединение.

«Бал», «Свадьба», «Концерт», «Представление» — наступление.

«Глаза» — артиллерийский наблюдательный пункт.

«Самовары» — минометы.

«Нитка» — телефонный кабель.

«Огурцы» — снаряды, мины.

«Роман—Ольга» — расход, остаток.

«Борис» — бронебойный снаряд.

«Ольга» — осколочно-фугасный снаряд.

«Играть», «Петь» — вести огонь из Катюши.

«Утюжить» — бомбить, обстреливать.

«Прижимать чертика» — поспать, отдохнуть.

«Танкетки», «Автоматчики» — вши.

«Блондинка», «Бледнолицая красавица» — пшенная каша.

«Шрапнель» — перловая каша.